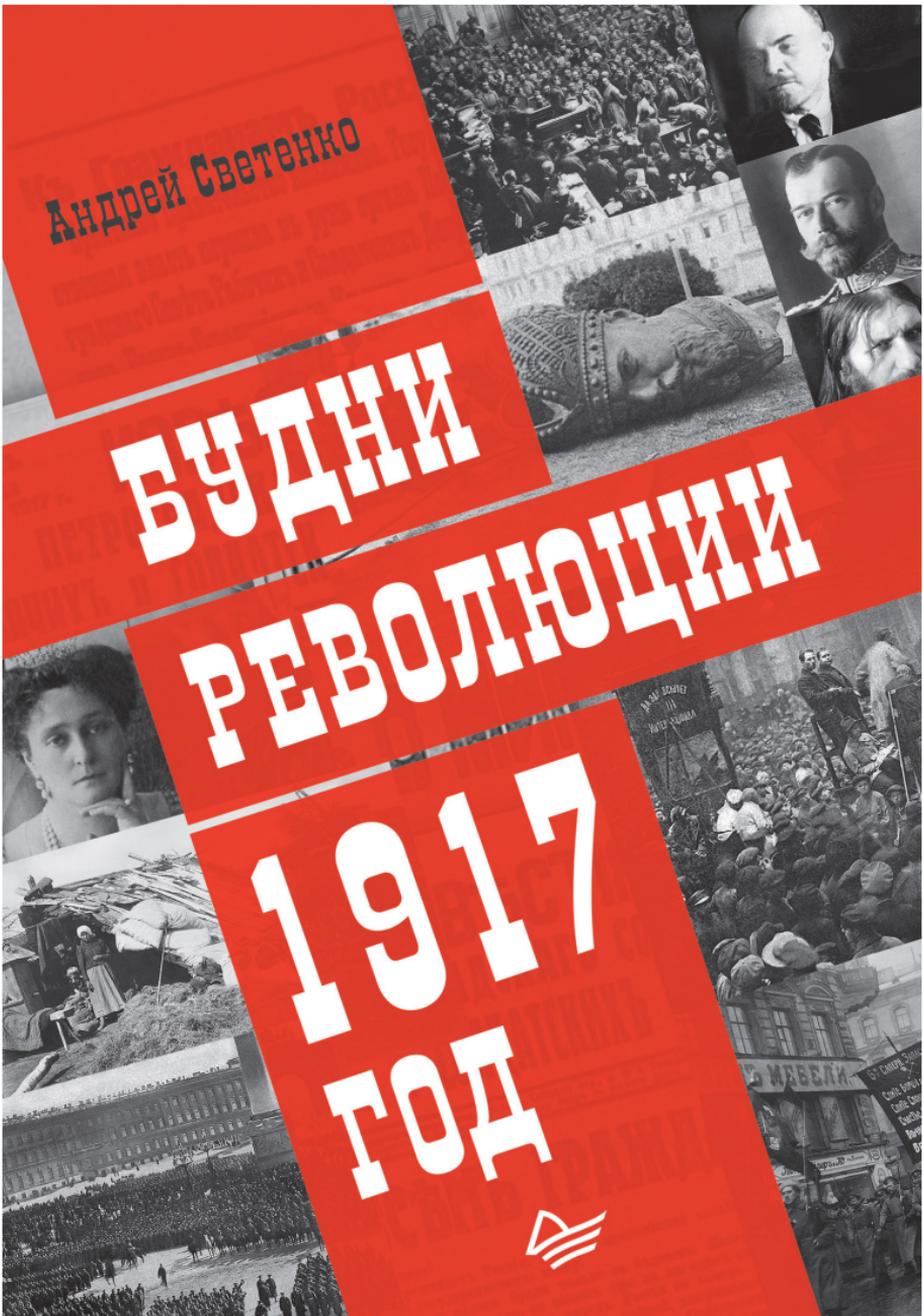

Андрей Светенко

БУДНИ

РЕВОЛЮЦИИ

1917
ГОД

Андрей Светенко

Будни революции. 1917 год

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39285735

А. Светенко. Будни революции. 1917 год: ООО Издательство «Питер»; Санкт-Петербург; 2019
ISBN 978-5-4461-0942-5

Аннотация

Андрей Светенко – историк, политобозреватель, автор и ведущий историко-познавательных программ «Вопросы истории», «Урок истории» и «Этот день в истории» на «Радио России» и «Вести FM».

Отречение от престола Николая II, Апрельские тезисы Ленина, штурм Зимнего дворца, захват власти большевиками. Вершины происходившего, хорошо видимые нам с высоты исторического полета, вписаны автором в будничную повседневную жизнь: талоны на хлеб, перебои с отоплением, всеобщая апатия и усталость. Рассказывая историю Великой русской революции, Андрей Светенко погружает читателя в события 1917 года через живые истории людей, газетные сводки, дневниковые записи.

Знакомиться с книгой можно последовательно, «день за днем» или обращаться к ее содержанию выборочно, имея в виду конкретное событие.

Уникальная возможность прочитать о ключевых моментах истории Российской империи! Проведите параллели с новейшей

историей, ведь события столетней давности более чем актуальны и сегодня!

Содержание

Предисловие	6
Январь	10
Февраль	40
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Андрей Светенко

Будни революции. 1917 год

© ООО Издательство «Питер», 2019

© Андрей Светенко, 2019

*** * ***

Предисловие

1917 год – уникальный в истории России. Это был разлом – гигантский и по масштабам, и по глубине. Страна трижды меняла свое название. Вступив в тот год империей, тысячелетней монархией, Россия стала свободной. Именно так Свободная Россия без уточнения формы правления, она именовалась в сентябре 1917-го. Но уже спустя два месяца стала Российской Советской республикой.

Эта книга погружает в события 1917 года через рассказ о том, что происходило в этот переломный для нашей страны период. День за днем складывалась мозаика революции, общая картина которой восстановлена по публикациям в прессе того времени. Вершины происходившего, хорошо видимые нам с высоты исторического полета (отречение императора, апрельские тезисы Ленина, попытка июльского переворота, провальное наступление русских войск на фронте, Корниловский мятеж, октябрьское вооруженное восстание), вписаны в будничные ход жизни.

В самом деле, участники и очевидцы тех событий скорее всего удивились бы, услышав от нас спустя сто лет, что они были творцами истории. Активных участников публичной политики, людей действия всегда меньше, чем той массы покоя, которая обычно уберегает от перемен. Но масса эта в критические моменты может раствориться. Так в кон-

це зимы 1917 года обнаружилось, что в России практически нет монархистов. Все так или иначе недовольны царем, его окружением и связями. Прологом революции стало убийство Григория Распутина, совершенное отнюдь не революционерами. Просто недовольные Николаем II делились на две категории: одни действовали под лозунгом «чем хуже, тем лучше», круши всё до основания, а другие, как князь Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович, пытались это сползание «куда хуже» остановить. Не получилось.

Вообще, удивительно, насколько в российском обществе, и в верхах, в императорской фамилии, и в средних слоях, среди интеллигенции, в начале 1917-го были сильны убеждения, что из царского дворца в Берлин протянут секретный телефонный провод, по которому немка-императрица сообщает кайзеру о планах русского военного командования. Это к тому, что потом возникнет довольно стройная версия, что император стал жертвой заговора генералов русской армии. Они для начала договорились убрать Николая, а потом только за дело взялись Шульгин и компания – думские деятели, которые привезли императору текст отречения.

Правда в том, что Февральскую революцию никто не готовил, это общее для всех партийных лидеров мнение. Но приветствовали ее многие, если не все. Великие князья ходили с алыми бантами на шинелях и кителях. В тот момент казалось, что всё, что только может быть связано со словом «революция», свершилось. Но получилось, что это было только

начало процесса. Сдвинутая с места масса покоя начала свое движение...

Нет нужды пересказывать все этапы этого «движения» – собственно они-то и есть содержание этой книги. Появление Временного правительства, блистательное восхождение Керенского – «калифа на час». Любопытно, какой урок извлек для себя Керенский, проживший долгую жизнь в эмиграции. Как-то он сказал, что если бы в 1917 году существовало телевидение, он смог бы удержаться на посту премьера. Это к вопросу о роли пиара в «деле революции». Вообще, события 1917 года позволяют провести множество параллелей как с предыдущей, так и с последующей историей. Самое расхожее сравнение – с Великой французской революцией. И в публицистике, и в аналитике 1917 года такие сравнения встречаются на каждом шагу. Они доказывают, что люди пытались друг друга вразумить по ходу пьесы, и масса покоя до поры до времени позволяла это делать.

Автор не ставил перед собой цель утверждать чью-либо правду или, наоборот, опровергать чьи-то взгляды. Все мнения и аргументы даны в книге от первого лица. Свою задачу автор видел в том, чтобы максимально представить разные взгляды, точки зрения или, как это ни странно покажется, их отсутствие. Потому что непонимание того, что происходит и чем может обернуться для страны, – это общая примета 1917 года.

Каждая заметка, приведенная в книге, сиюминутна, да-

же если речь идет о воспоминаниях, написанных годы спустя. Задача состояла в том, чтобы показать круговорот событий, затронуть все значимые аспекты, начиная от настроений тех, кто мог влиять на происходящее. Например, императрица Александра Федоровна писала мужу накануне отречения что-то такое надрывное, в стиле «пока ты не подписал какой-нибудь подsunутой тебе бумаги, подумай о детях, подумай обо мне». И заканчивая бытовыми деталями: в городах России летом 1917-го перестали убирать улицы. Дворники постоянно митинговали, требуя повышения зарплаты. В этой будничной детали, как представляется, отражается все противоречия жизни.

Читать эту книгу можно последовательно, действительно «день за днем», а можно обращаться к ее содержанию выборочно, имея в виду конкретное событие, такое как попытка большевиков захватить власть в начале июля 1917 или Корниловский мятеж. В этой книге нет обобщений и выводов, тем более что заканчивается она событием, после которого все процессы продолжились, только на новом витке. Поэтому и продолжение, надеемся, последует...

Январь

Суровые морозы, температура под минус сорок. Кажется, все застыло в ожидании перемен. Напряжение во многом определяет шок, вызванный убийством Григория Распутина. Продолжается министерская чехарда. Штюрмера на посту премьера сменяет Трепов, на смену ему – князь Голицын. Надежды на изменение Николаем II политического курса не оправдываются. В императорской фамилии созрела фронда. Коллективное письмо членов дома Романовых с призывом-угрозой «Ники, уходи». В армии и в обществе на ура принимают великого князя Дмитрия Павловича, участника убийства Распутина. На германском фронте последнее удачное наступление русской армии под Митавой. Царская полиция преследует активистов легальной проправительственной организации – Военно-промышленного комитета. Кризис отношений между царским правительством и представителями финансово-промышленной олигархии. Все фракции Думы практически находятся в оппозиции царскому режиму.

Международная конференция представителей стран Антанты в Петрограде. Последняя попытка союзников повлиять на ухудшающуюся политическую и экономическую ситуацию в России. Англия и Франция дают согласие на включение Константинополя (Стамбула) в состав Российской импе-

рии после победоносного окончания Первой мировой войны. Николай II решительно отвергает все попытки повлиять на его решения.

16.01

В этот день в 1917 году в России было 3 января. Страна жила по старому юлианскому календарю, расхождение с теперешним, григорианским, составляло 13 дней. Однако Новый год праздновали по старой привычке 14 января. Но влияние общепринятого в мире григорианского календаря ощущалось повсеместно. Газеты выходили с указанием двойной, через дробь, даты, в данном случае – 3/16, в деловой переписке, в письмах делали такие же уточняющие пометки.

Старой привычке исчисления времени следовал и французский посол в Петрограде Морис Палеолог, который в тот день писал: *«Сегодня третий день нового года по православному календарю. Император принимает в Царском Селе поздравления от дипкорпуса. На дворе жестокий холод – минус 38 градусов. Лошади, ожидающие нас перед вокзалом, обледенели. До самого дворца не различишь ничего из пейзажа – все покрыто дымкой, пеленой инея»*. Что ж, пока дипломат едет на прием, как прелюдию к событиям 17-го года приведем то, что он писал в своем дневнике в начале той зимы, в ноябре 16-го: *«...забастовали все заводы Петрограда. Ко мне на аудиенцию записался директор автомобильной фабрики “Луи Рено”, что на Выборгской стороне. Вы знаете, – заявил он, – что наши рабочие не принима-*

ют участия во всеобщей стачке. Но бастующие других предприятий окружили наш завод, крича “Долой французов. Довольно воевать”. Наши люди вышли к ним для разговора. Но им ответили градом камней и револьверными выстрелами. Один русский инженер и три француза-менеджера ранены. Подоспевшая полиция быстро убедилась в своем бессилии. И тогда городовые вызвали из близстоящих казарм два пехотных полка. Но солдаты вместо того, чтобы выручить завод, стали стрелять по полицейским. – По полицейским? – ошарашенно перепросил Палеолог. – Да. Упало много городовых и жандармов, началась свалка. В конце концов, послышался кавалерийский галоп, подошли сотни четыре казаков, которые налетели на пехотинцев-солдат и ударами пик загнали их обратно в казармы. Теперь порядок восстановлен». Какой, спрашивается, порядок? Это же ЧП из ряда вон! Прекрасно понимая это, Морис Палеолог тут же поехал к председателю Совета министров России Штюмеру и взволнованно рассказал ему о происходящем. И что же последовало в ответ? «Штюмер начал доказывать мне, что это эпизод, не имеющий значения, что ему уже обо всем доложили, меры для защиты завода Рено приняты. “Но ведь дело в другом – у вас войска стреляют по полицейским”. – “Да, да, – словно отмахиваясь, отвечает Штюмер, – это важно, и репрессия будет беспощадна”».

Репрессия последовала, и, казалось бы, самая радикальная. В ноябре 16-го в отставку был отправлен сам пре-

мьер-министр. Монархисты, сторонники продолжения войны и союзники по Антанте ликовали. Наконец-то Николай II решился убрать человека, про которого только ленивый не говорил, что тот – немецкий шпион, слушает лишь Гришку Распутина и других интриганов типа фрейлины Вырубовой. Однако сменивший Бориса Штюрмера Александр Трепов пробыл на посту премьера всего полтора месяца. Сразу после убийства Распутина император под давлением своей супруги снял этого силовика, сторонника жестких мер, и назначил премьером Николая Голицына, фигуру бездеятельную, проще говоря, никакую. Все расценили это как реванш прогерманской партии при дворе, взятый ею именно за убийство Распутина. Это означало, что вокруг царя продолжают плестись интриги, а страна продолжает сползать в неизвестность. Вот такой была новогодняя картинка 1917 года. Жуткий мороз, все застыло и заледенело, и вокруг витает стойкое ощущение грядущей катастрофы.

17.01

В этот день – 4 января 1917 года по старому стилю – несмотря на новогодние праздники по православному календарю, император Николай II отправил в ссылку, правда в собственное имение Грушевку, своего дядю Николая Михайловича, внука императора Николая I. Николай Михайлович, который считался вдохновителем «великокняжеской фронды» – так современники называли членов императорской фамилии, выступавших за отстранение Николая II от

власти, – был организатором и вдохновителем беспримерной в истории монархической России акции. Накануне Нового года члены императорской фамилии собрались во дворце великой княгини Марии Павловны, где составили и подписали коллективное письмо, в котором требовали простить князя Дмитрия Павловича, непосредственно замешанного в убийстве Григория Распутина. Они выразили при этом тревогу за дальнейшую судьбу России и императорского трона в случае, если внутренняя политика Его Величества будет продолжена. По сути, это был ультиматум. Николай II вроде бы дал на него уничтожающе отрицательный ответ: *«Никому не дано права убивать. Я знаю, что у многих совесть не чиста, так как не один Дмитрий Павлович замешан. Я удивляюсь вашему обращению ко мне»*. Да, слова *«никому не дано права убивать»* станут общеизвестными, но фактически останутся словами. Потому что князь Дмитрий Павлович и даже непосредственный исполнитель преступления Феликс Юсупов избегнут наказания. Вскоре после ареста, который был произведен по настоянию императрицы Александры Федоровны, слепо доверявшей Распутину и жутко переживавшей его кончину, великого князя отправят на фронт – в Персию, назначив командующим закавказским корпусом. Феликс Юсупов как негодный к строевой службе отправится в свое подмосковное имение. Не говоря уже о дяде царя, Николае Михайловиче.

Итак, налицо классика жанра – и нашим, и вашим. Пора-

зительная нерешительность царя на фоне, казалось бы, его однозначно жестких заявлений.

Впрочем, наблюдатели-современники тогда отмечали иное. Убийство Распутина, вызванное патриотическими мотивами и осуществленное во имя подтверждения твердой власти императора, оказалось фатальной ошибкой. Действовать твердо и непреклонно начала императрица, прочно утратившая к тому времени репутацию и доверие в глазах российского общественного мнения. Царицу считали откровенным и неприкрытым агентом Берлина, по сути, врагом Российского государства. А император в очередной раз оказался заложником ситуации. На самом деле Николай был не прочь избавиться от присутствия Распутина при дворе, но обстоятельства, в которых это произошло, сделали невозможными никакие маневры в сторону поиска политического согласия, примирения. Между тем *«...революция носилась в воздухе, и единственный спорный вопрос заключался в том, придет ли она сверху или наступит снизу. Дворцовый переворот обсуждался открыто, за обедами, во время приемов, вслух спорили, будут ли убиты и император, и императрица или только последняя»*. Проблема заключалась в том, что правительство, кабинет министров, назначаемых лично императором, не имел никакого взаимопонимания и поддержки со стороны Думы, все фракции которой, от левых до правых, по сути, перешли в оппозицию монарху.

В этот день – 5 января по старому стилю – одна из крупнейших газет России «Русское слово» поместила на первой полосе сообщение, краткое и, казалось бы, несущественное: *«Прибыла в Киев и будет иметь здесь пребывание ее императорское высочество великая княгиня Мария Павловна-младшая»*. Казалось бы, и что с того? Но современники событий легко прочли между строк – отправлена в ссылку очередная опальная персона, 27-летняя внучка Александра II, а стало быть, двоюродная сестра, кузина императора Николая II, одна из активных участниц «великокняжеской фронды», сестра князя Дмитрия Павловича, который был непосредственно причастен к убийству Распутина. Потом княгиня напишет интересные воспоминания, в которых этот сюжет подается так: *«Дмитрий вернулся из дворца, бросил фуражку на диван, стал ходить по комнате. – Я получил приказ уехать на персидский фронт в сопровождении адъютанта императора, которому поручили следить за мной. Феликса (речь о Юсупове. – А. С.) отправляют в ссылку в его курское поместье. Дело было не в наказании – продолжает Мария Павловна, – оно на первый взгляд казалось очень мягким, а в том, что вся Россия ждала реакции двора на смерть Распутина и задавалась вопросом, каким будет отношение к его убийцам. Теперь она получила ответ. Но не станет ли он последней каплей, не выпустит ли на свободу все темные страсти, не разрушит ли все барьеры?»* Итак, великая княгиня напрямую связывает вполне ре-

зонное преследование убийц как отказ от перемены политической линии, отказ от реформ и перемен, которых жаждут все, как говорится – и во дворцах, и в хижинах. Да, понимание момента было именно такое: *«Безмерная преданность императрицы памяти Распутина подтверждает слухи о его влиянии и демонстрирует беспомощную пассивность императора. К чувству страха за любимого брата у меня пришеивается острое ощущение катастрофы, предчувствие непоправимой и неминуемой беды. В Москве, например, царит нервное возбуждение, москвичи, считая брата Дмитрия своим земляком, похваляются его подвигом. Его с распростертыми объятиями встречают на погранзаставе и в штабе закавказского фронта. Кстати, местные офицеры тут же схватили и отправили назад в столицу нескольких распутинских прихвостней, которые следовали за великим князем, желая отомстить за смерть своего могущественного покровителя. К сожалению, смерть Распутина ничуть не изменила умонастроение императорского двора. Революция витает в воздухе»*. Итак, в стране неспокойно. Ухудшается и криминальная обстановка. Вот, к примеру, заметка в четвертом номере «Русского слова», помещенная рядом с информацией о великой княгине: *«В Харькове по делу об ограблении двух с половиной миллионов из банка взаимного кредита арестовано 15 профессионалов-громил. Вся “банда” – беженцы из Варшавы и других городов западного края, занятого теперь немецкими войсками. Профессионалы-кас-*

соломы обладали отлично усовершенствованными механизмами для взлома касс, а также средствами. Подготовка к ограблению банка обошлась им в 20 тысяч рублей. 8 тысяч было истрачено на поддержание шайки, 11 тысяч на приобретение машин и оборудования для взлома». Для справки: средняя зарплата рабочего в начале 17-го года была около 25 рублей в месяц, а жалованье офицера – поручика, капитана – 100 рублей.

19.01

В этот день – 6 января по старому стилю – в Генеральном штабе подвели итоги наступления русской армии в Прибалтике. Не будем забывать, Первая мировая продолжалась, число среднесуточных потерь всех воюющих сторон шло на тысячи человеческих жизней. Между тем о военных действиях накануне Февральской революции мало вспоминают. И это странно хотя бы потому, что именно в тот момент были достигнуты определенные обнадеживающие результаты. Речь идет о так называемой Митавской операции. Митава – ныне город Елгава в Латвии – была форпостом обороны, ближайшим к Риге, стратегическому месту, на которое были нацелены тогда немецкие войска. Наша 12-я армия под командованием генерала Радко-Дмитриева численностью в сорок тысяч человек внезапно, после короткой артподготовки, перешла в наступление. Бои происходили в ужасных климатических условиях: мороз, снежная пурга. Кроме того, уже начали появляться первые признаки разложения армии: на-

рушение дисциплины, ослабление порядка, отсутствие боевой слаженности. Так, командование не смогло вовремя ввести резервы в месте прорванной обороны противника. Несмотря на это, передовые немецкие позиции были взяты на всем участке наступления, угроза захвата немцами Риги на тот момент была ликвидирована.

Любопытно, что в Митавской операции принимали участие соединения, которые потом станут известны как дивизии латышских стрелков. Они перейдут на сторону советской власти и станут серьезной опорой большевиков. В январе 17-го всего за шесть дней наступления эти части потеряли две тысячи человек убитыми и шесть тысяч ранеными.

Об этом сражении упоминает писатель Алексей Толстой в своем знаменитом романе «Хождение по мукам»: *«Вместе с первыми залпами орудий поднялась снежная буря. Солдаты двигались в глубоком снегу, среди воя метели и пламени ураганом рвущихся снарядов. Десятки аэропланов, вылетевших в бой на подмогу наступающим частям, ветром прибывало к земле, и они во мгле снежной бури косили из пулеметов и врагов и своих. В последний раз Россия пыталась разорвать сдавившее ее железное кольцо, в последний раз русские мужики, одетые в белые саваны, дрались за империю, за самодержавие, некогда построившее землю и грозное всему миру»*. Да, это было последнее наступление русской армии в Первой мировой при Николае Втором. Кроме того, в мировую историю войн эта операция вошла как первая, в которой наступ-

ление пехоты активно поддерживала авиация, действующая на бреющем полете или пикирующая на позиции противника. Как мы уже отметили, в ходе сражения впервые были зафиксированы случаи массового дезертирства, антивоенная агитация в окопах. 92 солдата были преданы военно-полевому суду и казнены, сотни отправлены на каторгу.

Два слова о судьбе командующего 12-й армией. Генерал Радко-Дмитриев, болгарин по национальности, в ноябре 1918 года будет арестован в Кисловодске сотрудниками пятигорской ЧК и без суда и следствия убит – зарублен саблями. Та же участь постигнет и командовавшего в январе 17-го года Северным фронтом генерала Рузского.

20.01

В этот день – 7 января 1917 года по старому стилю – в Москве по приказу министра внутренних дел Протопопова была арестована рабочая группа московского Военно-промышленного комитета – ВПК. Не зная реалий того времени, можно подумать, что речь идет о преследовании каких-то радикалов, революционеров, может быть. Эта рабочая группа была подпольной? Нет и еще раз нет. Это была вполне легальная структура – Военно-промышленный комитет являлся общественной организацией, в которую, с одной стороны, входили фабриканты, заводчики, с другой – представители рабочих, профсоюзные активисты, а также политики. Инициатива создания ВПК принадлежала думским фракциям, причем главную роль в той, четвертой по счету Госу-

дарственной думе, играл Прогрессивный блок, возглавляемый партией октябристов, то есть промышленников и капиталистов. ВПК был совершенно необходимой в условиях военного времени общественной площадкой для обсуждения и согласования действий между, говоря марксистским языком, трудом и капиталом. Подобные структуры существовали тогда во всех воюющих странах. И с какой стати правительству следовало видеть в таком комитете своего врага? А между тем именно так и было. Цитирую по воспоминаниям одного из парламентариев-кадетов: *«Напряженные отношения в Петрограде не успокаивались. В Военно-промышленном комитете честно и открыто говорили о рабочем брожении как об опасности, но правительство только подливало масло в огонь, производя аресты... членов Военно-промышленного комитета»*. Согласитесь, впечатляющая картина разброда и шатаний в политических кругах России. Пытаясь перехватить инициативу, кабинет министров императора, как вскоре выяснится, последний, начнет борьбу с теми, кто объективно должен был быть его союзником. Ответная реакция была соответствующей. По столице поползли слухи, что министр внутренних дел готовит полицию к провокациям в день открытия новой сессии Думы, вооружает городских пулеметами. Действительно, Протопопов был убежден, что Военно-промышленный комитет – это мостик или звено, связующее лояльные профсоюзы и лояльные же партии кадетов и октябристов с революционно настроенной

частью пролетариата и политической оппозицией в лице социал-демократов. И чем дольше противостояние продолжалось, тем большее раздражение вызывал этот министр в либеральной буржуазной среде. Фактически он стал нерукопожатной фигурой. За два дня до описываемых событий, на приеме в Царском Селе, председатель Госдумы Родзянко демонстративно отказался пожать руку министру внутренних дел. Тут же поползли слухи о неминуемой дуэли. Самое время... Представьте себе, на фоне тяжелейшей войны, кризиса на транспорте, придворных интриг стране и миру будет представлено такое политическое шоу – дуэль спикера парламента с министром внутренних дел! Дальше ехать некуда. Дуэль, конечно, не состоялась, но осадок остался. Точно так же произошло с последствиями ареста комитета. Спустя два дня арестованные активисты Военно-промышленного комитета были освобождены, но власть от этого не выиграла. Многие только укрепились во мнении, что власть сама по себе не едина, и если придворный кабинет министров – это собрание каких-то упертых консерваторов, воспринимающих любую озабоченность и тревогу как крамолу и революционную агитацию, то есть желающие в той же Думе такую глупую власть сменить... Тем более что реальные проблемы требовали немедленного разрешения. Ведь в тот же день гласный Московской городской думы объявил, что если подвоз продовольствия прекратится, то запасов хлеба и муки в Первопрестольной останется всего на шесть дней.

23.01

В этот день – 10 января 1917 года по старому стилю – в центре внимания был скандал, связанный с арестом полицией членов Военно-промышленного комитета России – ВПК. Как уже говорилось выше, это была вполне лояльная властям структура. Тем более шокирующим был эффект, произведенный арестами. Действия министра внутренних дел Протопопова, кстати показательно исключенного из партии октябристов, привели к полному расколу между правительством и Думой, все фракции которой фактически оказались в оппозиции монархическому режиму. Но, может быть, у царского министра были основания для таких жестких действий? Спустя полгода, в июне 17-го арестованный к тому времени Временным правительством начальник Петроградского охранного отделения генерал Глобачев даст показания: *«Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета освещалась (оцените изящность стиля) нашим агентом по фамилии Луцук. Он состоял в секретариате этой группы. Его сведения были весьма ценны и имели документальные доказательства. А именно воззвание ВПК к рабочим Петрограда с призывом к выступлению 14 февраля с целью ниспровержения существующего государственного строя. Рабочая группа предполагала предложить Государственной думе, низвергнув царское правительство, опереться в дальнейшем на рабочих. Экземпляр такого воззвания был получен охранным отделением от нашего сотрудника*

Луижука». Напомним, на дворе начало января 1917 года. Задним числом представляется, что тогда в России еще все было относительно спокойно, ни одна из партий и движений революцию не готовила. Обстановка серьезная, да, но совершать переворот... Однако если верить показаниям Глобачева, то именно этим занимается вполне легальная, умеренная по своим целям организация – Военно-промышленный комитет, и никаких революционеров в привычном нам понимании там нет. Но в том-то и дело, что на фоне последовавших радикальных революционных событий настроения среди тех, кто потом станет контрреволюционерами в глазах большевиков, были как раз самые радикальные и революционные. Всего один пример – запись в дневнике великого князя Николая Михайловича, отправленного царем в ссылку за коллективное письмо императору Николаю II с требованием либо изменить политику, либо отречься от престола, после беседы с думцами Шульгиным и Терещенко: *«Какое облегчение дышать в другой атмосфере. Здесь другие люди, тоже возбужденные, но не эстеты, не дегенераты, как при дворе, а люди. Шульгин – вот бы кто пригодился, но конечно не для убийства а-ля Григорий Распутин, а для настоящего переворота. Другой, тоже цельный тип, Терещенко. Молодой, богатейший человек, но при этом глубокий патриот, верит в будущее, верит твердо, что через месяц все лопнет, что я вернусь из ссылки. Дай-то бог, его устами да мед пить. Но какая злоба у этих двух людей к режиму, к царю, к царице, и*

они вовсе не скрывают это, оба в один голос говорят о возможности цареубийства». Уточним, упомянутый Шульгин – тот самый, кто спустя полтора месяца доставит императору текст отречения, составленный депутатами Государственной думы.

24.01

В этот день – 11 января по старому стилю – продолжал набирать обороты публичный скандал, связанный с деятельностью влиятельной общественной организации – Военно-промышленного комитета – ВПК, который стал площадкой для обсуждения проблем между фабрикантами и рабочими. В работе ВПК принимали участие и политики-думцы. И выяснилось, что власти очень скептически смотрят на деятельность этого вроде бы лояльного комитета. В этот день руководитель комитета Гвоздев заявил, что *«в условиях, предлагаемых властями, ВПК работать не может»*. В чем же было дело? Оказывается, начальник Петроградского военного округа генерал Хабалов, по едкому замечанию коллег, *«тихоня без всякой способности влиять на подчиненных»*, издал приказ об обязательном предварительном информировании всеми общественными организациями столицы военного губернатора о своих собраниях, мероприятиях и так далее. Хабалова нещадно критиковали и левые, и правые, и центристы, Хабалову пеняли на закон, подписанный императором в сентябре 16-го года, который как раз не возлагал на общественные организации таких обязательств. И хотя в

конце концов лидер промышленного лобби в Госдуме Гучков вынужден был публично согласиться с требованием властей, ответный удар не заставил себя ждать. В прессу просочилась информация о якобы имевшей место осенью 16-го года секретной встрече в Стокгольме министра внутренних дел России Протопопова с немецким банкиром Варбургом. Протопопов возвращался из Лондона, после участия в конференции стран Антанты, через столицу нейтральной Швеции. Это было известно. Возможность его общения с немецким подданным наводила на мысль об измене, двурушничестве. Окружение императора вынуждено было защищаться, оправдываться. Граф Олсуфьев, который был тогда в составе делегации, выступил с публикацией, в которой заявил: *«Беседа имела совершенно частный характер. Теперь всех интересует, кто таков этот самый Варбург. Право слово, беседа гамбургского банкира за чайным столом в небольшом кружке русских людей с формальной стороны не имеет больше значения, чем какая-нибудь случайная встреча с немцем в вагоне или беседа с военнопленным»*. Кто же так успокаивает? Самое главное, факт встречи признается сразу, а после этого рассуждать о невинности беседы, это уже все равно что пытаться догнать уходящий поезд, тот самый, со случайным немцем в тамбуре. И в самом деле, оправдания Олсуфьева были восприняты общественным мнением как разоблачение. Тем более что и сам Протопопов в попытке уточнить детали встречи вошел в противоречие с рассказом Олсуф-

ьева. В общем, все только укрепились в мысли, что предатели и реакционеры при дворе и в правительстве готовы душиť любую разумную альтернативу, действовать агрессивно, тогда как их оппоненты из либерального лагеря, наоборот, изображают покорность и просто разводят в недоумении руками. Симпатии явно были на стороне противников правительства. Но не будем забывать, что именно в те дни ВПК планировал на середину февраля проведение в Петрограде массовых демонстраций с требованием кардинальных политических реформ.

25.01

В этот день на календаре в России было 12 января. Заметных событий в политической жизни не произошло. Но не одной политикой живы люди. Газета «Русское слово» опубликовала в тот день репертуар московского оперного театра Зимина: 13-го – «Евгений Онегин» с участием солиста Его Величества Леонида Собинова, 14-го – «Борис Годунов» с участием Федора Шаляпина. Что ж, показательно: у Шаляпина такого статуса, сродни званию народного, как у Собинова – солист Его Величества, – оказывается, не было. Сам император Николай II, исправно ведущий дневник, в тот день записал: *«После утренней прогулки принял Голицына и Покровского. По случаю именин Татьяны пошли к молебну в походную церковь. Миша завтракал у нас. Погулял с Ольгой и Марией. В 6 вечера был кинематограф»*. Выглядит так, словно государя политика не интересует. Впрочем, это так

выглядит, если не знать, что Николай Голицын – это премьер-министр, а Николай Покровский – министр иностранных дел, оба только-только назначенные на свои посты. С другими именами проще: Миша – младший брат, великий князь Михаил Александрович, именно в его пользу отречется от престола Николай II спустя полтора месяца. Ольга и Мария – дочери, великие княжны. А кинематограф – отрада души императорской фамилии, даже не увлечение, а настоящая страсть. Ни дня без киносеанса. Детям очень нравилось. Впрочем, дети императора выполняли тогда и важные социальные обязательства. Был такой Феодоровский городок в Царском Селе – комплекс больниц, госпиталей для раненых, содержавшийся на императорский счет. Его часто посещали великие княжны. Капитан Михаил Геращинецкий, офицер гвардейского Кексгольмского полка, более года пролежавший в таком госпитале после тяжелого ранения, вспоминал потом: *«Девочки приходили каждый день, если только вели себя хорошо. Это было, пожалуй, самое эффективное условие и даже наказание, которое применяла их мать. За одним раненым солдатом, у которого пуля застряла в черепе, вызвав амнезию, княжны ухаживали особенно усердно и терпеливо, задавали ему вопросы, вызывали на разговор, пытаясь вернуть ему память. Дочери императора ничем не отличались от обычных детей, открытый и доброжелательный нрав был виден с первого взгляда. Единственно, что они, да и цесаревич Алексей, который особенно лю-*

бил болтать с солдатами, настаивая, чтобы они рассказывали ему о войне, очень быстро говорили по-русски. Так, что можно было подумать, что они торопятся, боятся, что их позовут в любой момент обратно, тем более что общаются они с незнакомыми людьми. Младшие, Анастасия и Мария, всегда обязательно спрашивали об одном и том же, просили, чтобы им рассказали о жизни людей из внешнего мира. Они называли это “жизнью снаружи”, все, что не в замке, боясь пропустить хотя бы слово».

Внешний мир тоже хотел побольше знать об императорской семье. Союзники англичане сняли летом 1916 года целый полнометражный фильм о семье Романовых. Это к вопросу о кинематографе. Николай II был доволен, не имел ничего против, чтобы люди заглянули в его частную жизнь, тем более что на пленку попали, как потом станет ясно, самые счастливые моменты. И только подозрительная и въедливая императрица Александра Федоровна возражала против показа этой ленты в Великобритании, требуя, чтобы из нее были вырезаны те эпизоды, «которые выглядели недостаточно по-императорски».

26.01

Этот день – 13 января 1917 года по старому стилю – был солнечный, при 12 градусах мороза. Приятный для прогулки на свежем воздухе. Именно так провел день Николай II: *«Погулявши утром, завтракал с контр-адмиралом Кедровым, начальником минной дивизии Балтийского флота. Днем сде-*

лал хорошую прогулку с Ольгой и Марией. В 6 часов принял Протопопова. Вечер был свободный». Это цитата из дневника императора. Все благостно, все спокойно, если не знать, о чем был разговор с министром внутренних дел Протопоповым, который оказался в те дни в центре большого политического скандала. Пресса активно обсуждала встречу министра с немецким банкиром Варбургом, которая имела место в Стокгольме осенью 16-го года. Министр и его окружение факт встречи не опровергали, но пытались представить ее как случайное общение посетителей в ресторане. Ответственность такие объяснения не устраивали. Виктор Чернов, лидер партии эсеров, будущий председатель Учредительного собрания, писал: *«Протопопов перед войной был председателем Совета металлообрабатывающей промышленности, отрасли, которая контролировалась банками, зависимыми от германских синдикатов. На злосчастной встрече в Стокгольме вместе с ним был видный финансист и нефтяной король по фамилии Поляк, а также шведский банкир Ашберг. Варбург доказывал, что Англия всегда обманывала своих союзников, в одиночку пользуется преимуществами войны. России выгоднее дружить с Германией. Если будет заключен вполне естественный сепаратный мир, Польша будет оставлена за Россией, к Германии перейдет только Курляндия, взамен Россия получит Буковину и другие части Галиции плюс Черноморские проливы, которыми, правда, надо будет еще овладеть, воюя с турками, но нем-*

цам это тема не интересна». Многие в событиях 17-го года задним числом будут объясняться всеобщей подозрительностью, недоверием общества к царской власти, шпиономанией. А как иначе, если в ходу были такие подробности и детали. Во всяком случае, выбор царем «германофила» Протопопова в качестве министра внутренних дел воспринимался как торжество прогерманской партии при дворе. А что касается происков врагов, то тот же Виктор Чернов приводит вопиющий пример: «...немецкое военное командование было так хорошо осведомлено о разногласиях в русском правительстве, что попыталось усилить раскол с помощью фальшивого царского манифеста, адресованного русским солдатам на фронте». Чернов цитирует текст этого лжеманифеста, саморазоблачительного в каждой своей фразе: *«Солдаты, эта несчастная война началась против моей воли, она вызвана интригами при дворе, если б я знал печальные последствия для России-матушки, но мои завистливые родственники и продажные генералы мешают мне пользоваться властью. Солдаты, не слушайте приказов продажных генералов и поверните свое оружие против тех, кто угрожает жизни и свободе царя. Ваш несчастный царь Николай»*. Надо отдать должное охранному отделению. Весь тираж этой фальшивки был изъят полицией. Но кто-то в Петрограде ведь эту фальшивку напечатал. Речь шла о том, что этот якобы манифест должен был прийти в окопы из тыла, из столицы, а не со стороны немецких позиций. Так вот, не

пришел. Но факт попытки осуществления такой провокации в начале 17-го года говорил о многом.

27.01

В этот день – по старому стилю 14 января 1917 года – французский посол Морис Палеолог записал в своем дневнике: *«Старый князь Эс., маэстро в оккультизме, спирит и иллюминат, в последние дни имел удовольствие вызывать дух Распутина. Сеансы проходят в присутствии министра внутренних дел Протопопова и министра юстиции Добровольского. Все трое ежевечерне остаются часами взаперти, прислушиваясь к торжественным речам усопшего»*. На первый взгляд, всего лишь деталь. Спиритизм был модным поветрием по всему миру. Сродни нынешней популярности экстрасенсов. Может, на государственных делах увлечение мистикой не сказывалось? Отнюдь. Генерал Михаил Бонч-Бруевич, после революции перешедший на сторону советской власти, описывает в своих мемуарах вопиющие вещи: *«Перед самой войной в Петербурге объявился известный хиромант и спирит Шарль Перрен. Протопопов, тогда зампред Государственной думы, немедленно отправился к нему на прием. Тот сообщил ему, что следует опасаться 14, 15 и 16-го числа каждого месяца, потом угадал имя его матери, чем окончательно пленил политика. Протопопов заплатил Перрену двести рублей, гонорар поистине сказочный. А контрразведка, заинтересовавшись хиромантом, выдававшим себя за американского подданного, тогда же устано-*

вила, что он – австриец, и вовсе не Шарль, а Карл и по всем приметам – занимается шпионажем. В 16-м году, кроме подозрительной встречи Протопопова в Стокгольме с немецким банкиром Варбургом, Протопопов уже в качестве министра встретился с этим Шарлем, к тому времени из России уехавшим, а по возвращении стал требовать от подчиненного ему департамента полиции выдать разрешение на въезд хироманта в страну. Получив уведомление, что Перрен заподозрен в шпионаже, начал слать ему телеграммы, в которых с непонятной любезностью просил прощения за то, что не может решить вопрос с пребыванием Перрена в России. Контрразведке, – продолжает Бонч-Бруевич, – было известно, что Протопопов состоял в кружке Григория Распутина, который был сторонником сепаратного мира с немцами. Кроме того, Распутин был инициатором министерской чехарды, причем откровенно брал за назначения взятки. Так, упомянутый ранее Добровольский стал министром юстиции после того, как Распутин получил от привлеченного было за спекуляции банкира Рубинштейна 100 тысяч рублей. Получив должность министра, Добровольский, поклонник спиритизма, тут же закрыл дело».

Разложение власти достигло такого уровня, что гонениям подверглась такая, казалось бы, незыблемая структура, как военная контрразведка. Бонч-Бруевич пишет: «Командующий фронтом генерал Куропаткин, приехав во Псков, приказал мне построить всех офицеров первой линии – так тогда

называлась органы фронтовой контрразведки, – а также прокуроров и следователей и устроил им разнос: “Вами недовольны. Вы зазнались, забыли субординацию, вас обуяла шпиономания, по существу, вы сами сеете смуту, это подрывает доверие к верным слугам государя и особам, приближенным ко двору”». Самое печальное, что разнос горе-полководца Куропаткина имел прямые последствия. Контрразведка Северного фронта в начале 17-го года была разогнана, и всякая борьба со шпионажем, ведущемся в пользу Германии, прекращена.

30.01

В этот день – 17 января 1917 года по старому стилю – в Петрограде началась международная конференция, весьма представительная по составу участников и важная по сути. Это была последняя при царском режиме многосторонняя встреча союзников по Антанте – России, Великобритании, Франции и Италии.

Странно, но в хронологии событий рокового 1917 года эта Петроградская конференция редко упоминается. Между тем это была весьма решительная попытка союзников повлиять на катастрофическое ухудшение ситуации в России. В повестке дня были проблемы совместного ведения войны, поставки вооружений. Западные союзники опасались, что Германия соблазнит Россию заключить сепаратный мир. Показаний к такому повороту было немало: действия прогерманской партии при дворе, усилия германского промышленного

лобби в России, наконец, элементарный подкуп, коррумпированные чиновники, в первую очередь из окружения Григория Распутина. Все это, помноженное на тревожные данные о состоянии экономики России, иностранные дипломаты вслух озвучивали своим русским коллегам. Задним числом действительно сложится мнение, что войну Россия проигрывала, а военный потенциал ее был исчерпан. Статистические данные это не подтверждают. Прямые боевые потери русской армии в начале 17-го – около 900 тысяч человек, из них 20 тысяч офицеров. В то же время немецкие потери на Восточном фронте – 300 тысяч человек, Австро-Венгрии – 450 тысяч плюс 150 тысяч турок, убитых на Закавказском фронте, – вместе те же 900 тысяч. При этом удивительны показатели мобилизации. Если в Германии и Австрии в 17-м году уже 80 % мужчин трудоспособного возраста были призваны в армию – это четверо из пяти, – то в России этот показатель был всего 38 %, четверо из десяти, но даже в Англии он был выше – 50 %, а во Франции – 74 %. Особая статья – вооружение, боеприпасы. Здесь дела обстояли хуже. Но союзники были готовы увеличить поставки. И тут обнаружилась вопиющая некомпетентность царских министров. «Сколько нужно транспортов для доставки заказанных вами военных грузов?» – спросил на переговорах лорд Мильнер военного министра России. Тот в замешательстве, после паузы, назвал цифру. Англичанин быстро посчитал на бумаге и укоризненным тоном сказал: «Вы понимаете, что вы про-

сите тоннаж водоизмещением в пять раз меньше, чем объем доставляемых вам грузов? О чем говорить дальше?»

Между тем разговоры продолжались не один день, и не только на закрытых совещаниях. Конференцию сопровождала пиар-кампания. Часть делегатов в тот день переехала из Петрограда в Москву. В знаменитом ресторане «Прага» был дан званый обед. Руководитель французской делегации, будущий президент Франции Гастон Думерг произнес тост, в котором сказал: *«Каждый час, каждый день после приезда в Россию в нас все более укрепляется вера в то, что воля русского народа довести войну до победного конца останется непоколебимой. Здесь, в Москве, эта вера чувствуется еще крепче. Россия, которая, казалось уже, забыла о своей великой мечте – о свободном выходе к морю через Константинополь, должна осуществить ее. Необходимо, чтобы турки были изгнаны из Европы, а Константинополь стал бы русским Царьградом...»* Да, в желании поддержать слабеющего на глазах союзника на третий год войны Антанты устами полномочных лиц заявила, наконец, о готовности признать право Российской империи на обладание Черноморскими проливами и Константинополем.

31.01

В этот день – 18 января 1917 года по старому стилю – император Николай II в Александровском дворце Царского Села принял делегации союзников – англичан, французов, итальянцев, прибывшие в Петроград для участия в кон-

ференции стран Антанты. Особый характер этого мероприятия, проводимого в условиях войны, подчеркивала трагическая гибель английского политика – лорда Китченера. Корабль, на котором он плыл в Россию, был потоплен немецкой подводной лодкой. Главный вопрос, который обсуждался, – состояние боеготовности русской армии, русской экономики – как долго выдержат страна и общество испытания войной и растущую политическую смуту. Сразу же по прибытии в порт Романов (так тогда назывался Мурманск) союзники были ошарашены. Присланное из Англии вооружение, доставленное с большим риском и потерями, по словам очевидцев, мокло под дождем и снегом. Тысячи тонн снаряжения были свалены в доках и на набережной, и не чувствовалось никакой надежды, что их вскоре отправят по месту назначения. Не лучше обстояли дела и в столице России. Знаком ситуации, французский посол в Петрограде Морис Палеолог писал в тот день: *«Здесь перестают интересоваться войной. Все правительственные пружины, все колеса административной машины портятся одно за другим. Лучшие умы убеждены, что Россия идет к пропасти. Нам надо спешить»*. Лидеры оппозиционных партий Госдумы, а в оппозиции царю тогда уже были фактически все фракции, открыто требовали от союзников повлиять на Николая II, склонить его в сторону политических реформ. Главным в тот момент было требование ввести ответственное перед парламентом правительство, то есть перераспределить властные полно-

мочия в пользу ограниченной конституционной монархии. Первым, следуя призыву Палеолога, «поспешил» его коллега, британский посол в России Джордж Бьюкенен. Он лично встретился с императором еще накануне приезда иностранных делегаций. И уже войдя в двери кабинета Николая II, понял, что действительно поспешил: *«Во всех предыдущих случаях его величество принимал меня без формальностей, приглашая сесть, предлагая закурить. Поэтому я был неприятно удивлен, когда увидел, что император встречает меня стоя, в середине зала, придавая строгость обстановке и как бы намекая, что я не могу касаться сложных вопросов»*. Однако Бьюкенен решил броситься в бой: *«Ваше Величество, позвольте заявить, что перед вами открыт только один верный путь – это уничтожить стену, отделяющую вас от вашего народа, и снова приобрести его доверие»*. В ответ император выпрямился во весь рост и, жестко глядя в лицо послу, спросил: *«Так вы думаете, что я должен приобрести доверие своего народа, или что он должен приобрести мое доверие?»* В этом ответном вопросе весь Николай II, его поразительное самомнение и сакральное понимание своей исторической миссии. Уже в пустоту прозвучал последний вопрос Бьюкенена, видит ли Николай II опасность положения, знает ли, что на революционном языке говорят уже по всей России. Император ответил, что ему все известно из того, что говорят люди, просто Бьюкенен придает этому слишком серьезное значение. У посла получается, что госу-

дарь должен быть просто каким-то поборником свободы слова, мнений. Но ничего из его критики в свой адрес Николая не страшит. На этом аудиенция закончилась, но результат от нее все-таки был – по совету жены, Александры Федоровны, Николай II поставил вопрос об отзыве посла Британии в России Джорджа Бьюкенена.

Февраль

Инфляция и дороговизна приводят к введению карточек на основные продукты в городах России. Перебои в добыче нефти и угля, паралич железнодорожных перевозок («паровозный кризис») становится причиной перебоев в снабжении столицы. Температура в домах Москвы и Петрограда не выше 11–12 градусов. Председатель Думы М. Родзянко представляет императору доклад о катастрофическом состоянии дел в России («в стране разруха»). Все фракции Думы выступают за создание правительства, ответственного перед парламентом. «Дело Манусевича-Мануйлова» – разоблачение придворных кругов, замешанных в коррупции и шпионаже в пользу Германии.

В Петрограде появляются первые очереди («хвосты») за хлебом. Фабрикант Путилов объявляет локаут бастующим на его заводах рабочим. Десятки тысяч людей выброшены на улицу.

22 февраля Николай II уезжает из столицы в Могилев, в Ставку Главнокомандования. Первые столкновения полиции и казаков с демонстрантами. Постепенно на сторону митингующих переходят части Петроградского гарнизона.

28 февраля депутаты Государственной думы объявляют о создании Временного комитета, который берет на себя всю полноту власти в стране.

01.02

В этот день – 19 января 1917 года по старому стилю – в Петрограде начались заседания Международной конференции стран Антанты, на которой должны были обсуждаться проблемы военного сотрудничества. Перед началом переговоров союзники, опираясь на многочисленные ситуации, ставшие им известными, давали понять, что очень озабочены состоянием дел в России, испытывают по этому поводу тревогу, поскольку не уверены в готовности императорского двора и правительства продолжать войну. Вслух даже озвучивались подозрения о возможности заключения между Петроградом и Берлином сепаратного мира. Со своей стороны союзники демонстрировали готовность помочь русской армии и в целом экономике Российской империи. Однако первый же раунд переговоров показал, что гости не так уж и готовы обсуждать что-либо конкретно. Стало понятно, что делегации Британии, Франции и Италии получили от своих правительств лишь неопределенные инструкции, и никакого направляющего принципа для координации усилий, никакой программы коллективного действия для ускорения общей победы у них нет.

Получалось, что целью визита был зондаж обстановки, выяснение, насколько усилились в России антианглийские настроения. И, соответственно, насколько правдивы слухи, что царь и его окружение ведут тайные переговоры с Германией. Показательно, что Ленин из своего швейцарского да-

лека язвительно откликнулся в тот момент на происходящее: *«Спор идет между этими в кавычках милыми дружками только из-за того, когда и как повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии»*. Под «милыми дружками» лидер большевиков имел в виду две противоборствующие между собой придворные партии – германофильскую и англофильскую. Парадокс состоял в том, что, с одной стороны, все были уверены, что такие партии есть, но никто толком не знал и не понимал, какие именно люди в них состоят и насколько на самом деле к их мнению прислушивается Николай II. И даже задним числом в историографии вопроса в советские времена никакой ясности не появилось. Если фундаментальная трехтомная «История дипломатии» утверждала, что царизм в тот момент склонялся к сепаратному соглашению, то в четырехтомном издании «Мировые войны XX века» говорилось: *«В советское время в течение 70 лет во всех хранилищах днем с огнем искали свидетельства заговора двора, его готовность пойти на мировую с Германией. Не нашли ни единой страницы, ни единой строчки. И Николай, и Александра стояли за войну до победного конца»*. Это к тому, что в начале 17-го года ясности и понимания в этом вопросе было еще меньше. Единственное, что было очевидно, это нежелание царской семьи что-либо с кем-либо обсуждать всерьез. Руководитель британской делегации на Петроградской конференции лорд Мильнер после приема в Царском Селе, где он вручил Николаю два письма от его кузена коро-

ля Георга Пятого, сказал своим подчиненным: *«Император и императрица хотя и держались очень любезно, но отчетливо дали понять, что не потерпят никакого обсуждения российской внутренней политики»*. И что же? Можно ли решать серьезные вопросы без серьезных разговоров? Вопрос этот риторический.

02.02

В этот день – 20 января 1917 года по старому стилю – в Круглом зале Мариинского дворца в Петрограде состоялось очередное пленарное заседание конференции союзников по Антанте. Забегая вперед, скажем, что это крупнейшее в дипломатии военного времени мероприятие длилось целых три недели. Закончилась Петроградская конференция буквально за считанные дни до начала Февральской революции. И призвана она была, в первую очередь, предотвратить сползание России в революционную смуту. Вот правильно, с одной стороны, говорить, что Февральскую революцию никто не готовил специально – ни одна партия, все произошло стихийно. Но, с другой – общее мнение современников события говорит о том, что к этому все шло – о скором крушении монархии не говорил только ленивый. Можно было попытаться исправить ситуацию принятием каких-то конкретных общезначимых решений в области военного сотрудничества, слаженных действий на фронте. Но в этом смысле конференция потерпела полное фиаско, и обнаружилось это уже в первые дни ее проведения.

Во-первых, союзники вместо подтверждения ранее согласованного плана одновременного начала наступления на Западном и Восточном фронтах против немцев уже в феврале 17-го неожиданно получили отказ. Генерал Василий Гурко, сын прославленного фельдмаршала, освободителя Балкан, временно исполнявший тогда обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего, заявил, что русская армия не готова к наступлению в связи с глубокой структурной реорганизацией. Это усилило подозрения тех, кто уже начал сомневаться в желании императорского двора продолжать войну с Германией. В конце концов союзники добились от Гурко обещания начать наступление на Восточном фронте во второй половине апреля 17-го года. Столь же неопределенно и сложно шло обсуждение взаимных поставок вооружений и продовольствия. Русская делегация сделала заявку на двадцать с половиной миллионов тонн грузов, для справки – это больше, чем вся пропускная способность железных дорог в стране. Союзники соглашались на поставки, в три раза меньшие по объему. Неожиданно трудно решался и вопрос об ответных поставках российского зерна в Англию и Францию. Казалось бы, что тут могли возразить союзники? Оказывается, как заявил источник на переговорах, *«не очень доверяя четкости и слаженности работы транспорта в России, англичане хотели, чтобы в этой работе участвовали их офицеры, и вообще, чтобы у британских специалистов был доступ к информации об использовании воору-*

жения и техники, предоставляемой Антантой России». Показательно еще одно направление сотрудничества – платежи России по старым долгам и вопрос о новых английских займах. Это то, что потом откажутся платить большевики, – долги царского правительства. Но кто бы помнил, что все эти долговые обязательства были обеспечены, и не просто какими-то гарантиями на бумаге. В тот день постановили, что для решения финансовых дел внутри Антанты русское правительство высылает в Англию золота на сумму 20 миллионов фунтов стерлингов! Проще говоря, все необходимые России вооружения и снаряжение были оплачены, причем в предварительном порядке!

Ну и наконец, новой, но не менее сложной проблемой на конференции стал румынский вопрос. Вступив в войну на стороне Антанты, Румыния тут же начала терпеть поражения, ее столица Бухарест была захвачена австро-немецкими войсками, а спасти ситуацию вынуждена была Россия. Русская армия теперь на новом фронте – Румынском. С этой целью в Петроград в тот день прибыл сам премьер-министр Румынии Брэтиану. Впрочем, о положении дел на фронте подробнее расскажем в последующих сюжетах.

03.02

21 января 1917 года по старому стилю сводки с фронтов Первой мировой не содержали в себе ничего существенного. Шла обычная позиционная война, войска всех воюющих армий крепко сидели в своих окопах, что само по себе под-

тверждало мысль – в этой войне победит тот, у кого окажутся крепче нервы, у кого будет надежный тыл и достаточное количество ресурсов.

Однако было исключение. Румынский фронт – это исключение, подтверждавшее правило. Вступив в войну на стороне Антанты в августе 1916 года, румынское королевство оказалось небоеспособным. Немцы и болгары быстро стали одерживать над ним победы. И уже в декабре того же года был сформирован Румынский фронт русской армии. Полковник Александр Верховский, будущий военный министр Временного правительства, после Октября перешедший на сторону советской власти, а в тот момент – начальник штаба русских войск в Румынии, описывал ситуацию в катастрофических тонах: *«Немцы, естественно, не стали ждать, пока скрипучая машина русского командования придет в действие. Привезли в Трансильванию несколько дивизий и решили в стремительное наступление. Первыми побежали румынские генералы, за ними офицеры, потом солдатская масса. Не лучшие обстояли дела и у наших. Корпус генерала Вебеля столь же стремительно бежал от Черновиц к Станиславу (ныне Ивано-Франковску). Немного [времени] спустя болгары перешли в наступление, потеснив наш 47-й корпус, присланный на помощь румынам. Я думал о том, как устранить все то, что угнетало Россию, мешало успешному ведению войны. И тут мне пришла в голову нелепая мысль пойти к императору. Коллеги смеялись надо мной. “Пусть*

это смешно, — возражал я, — но так моя совесть будет чиста”. Я был Георгиевским кавалером, а тогда было такое правило — Георгиевских кавалеров по записи, из тех, что оказались в данный момент в Петрограде, приглашали на завтрак во дворец. Я решил этим воспользоваться. Император жил в маленьком двухэтажном доме рядом с оперативным отделом Ставки, обстановка была подчеркнута простая. Несколько офицеров с фронта, в том числе и я, стояли у двери во внутренние покои. Вошел император в походной форме — маленький, серый, неуверенно шагающий человек с усталыми глазами. По очереди подходил ко всем представлявшимся, останавливался, выслушивал фамилию, глядя куда-то в пространство, молчал, видимо не зная, что сказать. Мне повезло. Император, видимо, припомнил меня по событиям 1905 года и удостоил важным для меня вопросом: “Ну, что делается в Румынии?” Я кратко изложил тот кошмар, свидетелем которого стал на протяжении последних месяцев. Император сразу почувствовал, что разговор приобретает необычный характер, насторожился. Уже внимательно посмотрел мне в глаза и спросил: “Как здоровье генерала Беляева?” — “О здоровье генерала ничего сообщить не могу, но должен сказать, что в Румынии идет прямая измена русскому делу”. Можно было ожидать, что за этим последует резонный вопрос: “А в чем же дело? В чем измена?” Но император сделал вид, что ничего не понял, повысив голос, повторил: “Передайте генералу Беляеву, что я его благодарю

за верную службу»». Весьма показательный случай. Офицер, дворянин, воспитанный на исторических примерах Петра Великого, вдруг обнаруживает, что царская власть интересам Родины, России не отвечает. Столько мерзостей, столько ненужных поражений, столько напрасно пролитой крови... «Когда я ехал к царю, – заканчивает Верховский, – во мне горела еще какая-то искра надежды. Но после того, как удался в свои внутренние покои этот маленький ростом и духом человек, развеялись мои последние иллюзии».

06.02

Характерное разнообразие событий начала февраля 1917 года лучше всего прослеживается по газетным публикациям. Газета «Русское слово» под заголовком «Эвакуация Румынии. Переезд королевской фамилии» писала: «Из Киева сообщают, что румынская королевская фамилия прибыла в Одессу, откуда переедет в Петроград. Управлению Юго-западных железных дорог предписано отправить для этого салон-вагон. Неизвестно, проследует ли сам король вместе с семьей в столицу России или останется в районе фронта». Проследовал. Фердинанд I с супругой и сыном, принцем Каролом, будут приняты Николаем II. Румынский король предложит заключить династический брак, выдать старшую дочь русского императора Ольгу за своего сына. Предложение будет отвергнуто, причем чисто по семейным соображениям. Ну не понравился всему семейству принц, да и с родителями Ольге расставаться не хотелось, а родителям – с ней. Подме-

тили также, что Кароль – ветреный юноша, на других великих княжон заглядывался. Задним числом, конечно, появится немало печальных пересудов, что вот, мол, если бы такой брак был заключен в начале 17-го, то как минимум одна из дочерей императора могла бы остаться в живых. Впрочем, в тот момент румынский двор сам искал пристанища: 6 декабря 16-го года немецкие войска захватили Бухарест, оставшиеся 22 дивизии румынской армии отступили в Молдову, а Румынский фронт пришлось держать русским войскам. И к существующим и без того большим проблемам прибавилась новая головная боль.

Еще один показательный заголовок газеты: «В дни трезвости. Винокуренный завод на кладбище». *«В Царицыне на православном погосте обнаружен большой, оборудованный по последнему слову техники тайный винокуренный завод. Владелец – кладбищенский сторож – при задержании пытался оказать сопротивление, был обезоружен и арестован. В одной могиле найдено 160 бутылок чистого спирта и пачка денег. Завод функционировал четыре месяца, продукцию оптом и в розницу отпускали в мелочные лавки и шашлычные».* О сухом законе в России, который Николай II ввел в самом начале войны, вроде бы всем известно. Но насколько строго выполнялись его требования? С одной стороны, были запрещены производство и продажа всех видов алкогольной продукции, с другой – известно, что крепкий алкоголь разрешено было подавать в ресторанах и трактирах. В данном

случае указание на сбыт нелегального самогона в учреждении, скажем так, общепита, оставляет место для недоумения. А как же, в случае тотального запрета на винокурение, снабжать рестораны и шашлычные разрешенным алкоголем?¹

Еще одна показательная заметка: «Владикавказ. К убийству миллионера Замкового». *«Закончилось следствие по делу бывшего начальника терской охранной стражи подполковника князя Макаева, он сознался в убийстве. Ревизия обнаружила крупные недочеты и злоупотребления при выдаче и покупке амуниции для стражи и недостачу оружия. Установлено, что князь Макаев фиктивно принимал на службу уклоняющихся от военной службы»*. Что ж, яркая иллюстрация еще одной проблемы. Поставки оружия и снаряжения по госзаказу сопровождались фантастической коррупцией, как правило, чиновники и предприниматели действовали в сговоре, заодно, но бывали и ситуации, когда военному чиновнику приходилось прятать концы в воду. Как видим, в данном случае это было безуспешно.

07.02

В этот день – 25 января по старому стилю – французский посол в России Морис Палеолог записал в своем дневнике: *«У меня завтракают Думер, председатель Думы Родзянко, румынский премьер Братиано, несколько членов Госсовета и финансист Путилов. Кроме Путилова, который замкнул-*

¹ Частным лицам государство предоставляло право торговли спиртными напитками по винным откупам. – *Примеч. ред.*

ся в красноречивом молчании, все мои русские гости обнаруживают оптимизм, от которого они были далеки еще несколько дней тому назад. Впрочем, со времени прибытия иностранных делегаций на конференцию в Петрограде оптимизм циркулирует в столичном обществе. Но, увы, как только союзники уедут, барометр опять опустится до низшей точки. Ни один народ не поддается так легко влиянию и внушению, как русский народ». Когда русский политический бомонд покинет кабинет посла, Палеолог шепнет на ухо своему британскому коллеге лорду Мильнеру: «*We are wasting time*» – «Мы теряем время». Почему теряем? Не потому ли, что они не с теми людьми говорят? Чем вызвано красноречивое молчание Алексея Путилова? Не случайно же это отмечено послом. Путилов – одна из немногих фигур русского крупного бизнеса, которая часто упоминается в источниках. Один только машиностроительный завод – Путиловский, в советские времена Кировский, – флагман русской индустрии. Однако в списке тридцати богатейших фабрикантов и банкиров России по состоянию на 1917 год он занимал всего-навсего 24-е место. Общий капитал – около 10 миллионов золотых рублей, в пересчете на доллары США в соотносимых суммах и с учетом инфляции сегодня это было бы 110 миллионов долларов. Немного. Кстати, на первом месте по состоянию был мало кому известный Николай Второв. 60 миллионов золотых рублей – это около 700 миллионов долларов по сегодняшнему курсу. Золотопромышлен-

ник, к началу войны основатель новых производств – завода «Электросталь» под Москвой, химических производств, вагоностроения, а также первых коксохимических заводов в Донбассе. Судьба Николая Второва удивительна, он остался в Москве после Октября 17-го, жил в своем доме на правах ответственного квартиросъемщика, был убит в мае 1918. Преступников не нашли. По неофициальной версии, на бытовой почве Второва убил его же побочный сын. Алексей Путилов, в отличие от Второва, который в политику не окунался, наоборот, председательствовал в Союзе промышленников, в Обществе изготовления снарядов и прочих боеприпасов, был членом Особого совещания при Военном министерстве. И его, Путилова, присутствие на Петроградской конференции, а также интерес к нему со стороны союзников оправданны и очевидны.

Молчание этого олигарха было вызвано теми же чувствами, что и Мориса Палеолога. Чего напрасно терять время – существующий механизм управления ломается на глазах, дееспособность правительства опять же на глазах тает. Нужны кардинальные перемены, о которых вслух за обеденным столом говорить глупо. Сразу после Февральской революции Алексей Путилов создаст Общество экономического возрождения России, станет сторонником продолжения войны до победного конца, поддержит Корниловский путч. И предчувствуя крах, покинет Петроград еще в сентябре 17-го года, до большевистского переворота. Активы и недвижимое

имущество Путилова будут конфискованы специальным декретом Совета народных комиссаров 30 декабря того же 17-го года.

08.02

26 февраля 1917 года по старому стилю в Петрограде лидеры кадетской партии Милюков, Маклаков и Шингарев беседовали с французским послом Морисом Палеологом. Последний потом запишет в дневнике: *«Заметил, что уроженец Москвы Василий Маклаков, тип истого жителя Первопрестольной, никогда не говорит “Петроград”, только “Петербург”. Спросил – “Почему?”. “Потому что Петербург – немецкий город, который не имеет права называться славянским именем. Когда заслужит, тогда буду называть Петроградом”»*. Подоплека с «бургом» или «градом» объяснялась тем, что в обществе царило недоверие к царской семье. Главным образом – к немке-императрице. Ее иначе как Алиса, Алиска не называли. Причем не только на улице, но и в высоких кабинетах. Палеолог продолжает: *«Считая, что мои гости слишком возбуждены, слишком уж рвутся в бой с царизмом, посоветовал им запастись терпением. Но при одном этом слове “терпение” Милюков и Маклаков вскочили, как ужасленные – “Довольно терпения! Если мы не перейдем к действиям, массы перестанут нас слушать...”»* Это к тому, что Февральскую революцию якобы никто не готовил, она произошла неожиданно и стихийно. Как минимум по ощущениям к перевороту были готовы и на улице, и в ка-

бинетах. А что же в царском дворце? Неужели ничего этого не видели?

Александр Солженицын в своем «Красном колесе» пытается понять логику действий императора: *«После убийства Григория Распутина государь ни в чем не мог пойти на уступки обществу. Подумали бы, что, вот, – освободился из-под влияния. Или, наоборот, – вот, боится тоже быть убитым. Под упреками жены Николай вознамерился, наконец-то, перейти к решительному правлению. Наперекор общественному мнению, во что бы это ни обошлось. Нарочно стал выбирать в министры людей, которых так называемое общественное мнение ненавидело – Голицына, Протопопова. А преданного и прежде любимого министра Николая Маклакова – уволил»*. Прервем цитату. Обратили внимание – и там, и там Маклаков. Да, родные братья – Василий и Николай. Первый, либерал, жаждет переворота, второй – убежденный монархист. Одна семья, одно воспитание, оба озабочены одним и тем же – как спасти государство. И рецепты – противоположные по целям – по форме одинаковые – хирургические. По мнению Солженицына, Николай II в начале 17-го года решил нанести опережающий удар – вернуть на свои места всех твердых монархистов и распустить Думу. Дождаться окончания срока ее полномочий, в конце года, и провести выборы в Думу новую, пятого созыва. И поручил Николаю Маклакову составить резкий по тону манифест, что тот и сделал. Да только император сам тут же и убоился сво-

ей решительности. Солженицын пишет об этом: «Обессиливающие сомнения одолели государя, а нужно ли обострять, а не лучше ли – мирно, как оно все само течет, не обращая внимания на забияк. Переворот? Революция? Так это же все болтовня, во время войны никакой русский на переворот не пойдет. И армия беспредельно верна, да и смутьяны-заговорщики из Думы, тот же брат Маклакова, Василий, не решатся, хотя департамент полиции и подал на них рапорт с обвинением в подготовке заговора». В результате вместо манифеста о роспуске Думы в тот день государь начертал резолюцию на рапорте охранного отделения: «Общественных деятелей, да еще во время войны, трогать нельзя».

09.02

В ночь с 27 на 28 февраля 1917 года по новому стилю жандармы Петроградского охранного отделения произвели обыск в помещении рабочей группы Центрального Военно-промышленного комитета (ЦВПК) и той же ночью арестовали на домашних квартирах 10 из 11 членов этой группы. Напомним, что ЦВПК было общественной организацией, в которую входили представители бизнеса, профсоюзные активисты и политические деятели, в основном центристско-либерального круга – кадеты, октябристы, прогрессисты. Комитет был создан в начале Первой мировой войны, ставил перед собой задачу решать конфликты между трудом и капиталом, содействовать росту военного производства, повышать мобилизационную активность, короче – сплаци-

вать различные слои общества в военное время. И, спрашивается, неужели царская охранка не делала различий между истинными революционерами-подпольщиками и легальными, лояльными к власти организациями? Но в том-то и дело, что лояльность царскому режиму в тот момент была уже явлением призрачным. Эдаким фантомом. В двусмысленную ситуацию попали и представители большого бизнеса. Шеф жандармского отделения генерал Глобачев докладывал министру внутренних дел Протопопову, что настроения в рабочих кварталах столицы подогреваются слухами, источник которых – руководство ЦВПК, миллионеры-фабриканты Гучков и Коновалов. А слухи очень опасные: будто полиция устанавливает на чердаках зданий и пожарных каланчах пулеметы, готовятся аресты. И здесь уже в сложном положении оказались сами полицейские чины. Не реагировать – получишь массовую манифестацию, для начала мирную, отреагируешь превентивно – то же получишь, но уже в виде протеста. Генерал Глобачев требовал ареста и Гучкова, и Коновалова, но министр не решился трогать больших людей, известных политиков. Дело ограничилось арестом именно рабочей группы. И тогда Гучков и Коновалов, пытаясь сохранить контроль над рабочим движением, показать свою заботу о людях труда, а главное, представить себя лидерами общественного движения, выступили с публичным заявлением, в котором говорилось: *«Чтобы устремления рабочего класса не приобретали агрессивного характера»*

ра, нельзя загонять это движение в подполье, нельзя “выемкою” выборных людей ликвидировать такое стихийное явление, как движение в рабочей среде. Как минимум арестованные должны выйти на свободу».

Согласитесь, любопытнейшая ситуация, большой бизнес пытается действовать в политике самостоятельно, но тут же оказывается между молотом и наковальней. Между царской охранкой и революционным подпольем. И в этом, пожалуй, заключался весь драматизм тогдашнего русского бизнес-класса. Хотя с победой Февральской революции поначалу будет казаться, что гучковым и коноваловым удалось оседлать ситуацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.